

КАВКАЗСКИЙ

ОТЧУЖИМ

ДЕВОЧКА МОНСТРА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

УЛЬЯНА СОБОЛЕВА

Ульяна Соболева

**Кавказский отчим.
Девочка монстра**

«Автор»

2026

Соболева У.

Кавказский отчим. Девочка монстра / У. Соболева — «Автор»,
2026

— Ты думаешь, у тебя есть выбор?— Я не ваша собственность!— Нет, девочка. Ты моя ответственность. И если не хочешь понимать по-хорошему...
— То что?— Научу тебя послушанию. Каждой клеточкой твоего тела. Арине восемнадцать лет, когда умирает её бабушка. На похоронах появляется незнакомец — Камран Байрамов, муж её матери, криминальный авторитет и её законный опекун до двадцати одного года. Мужчина, который будет владеть её душой и телом.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	33
Глава 8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ульяна Соболева

Кавказский отчим. Девочка монстра

КАВКАЗСКИЙ ОТЧИМ. ДЕВОЧКА МОНСТРА

Ульяна Соболева

Аннотация:

- Ты думаешь, у тебя есть выбор?
- Я не ваша собственность!
- Нет, девочка. Ты моя ответственность. И если не хочешь понимать по-хорошему...
- То что?
- Научу тебя послушанию. Каждой клеточкой твоего тела.

Арине восемнадцать лет, когда умирает её бабушка. На похоронах появляется незнакомец — Камран Байрамов, муж её матери, криминальный авторитет и её законный опекун до двадцати одного года.

Мужчина, который будет владеть её душой и телом.

Глава 1

Арина

Смерть пахнет дешёвыми гвоздиками и разбитыми мечтами.

Я стою у края могилы и чувствую, как моя жизнь рассыпается в прах вместе с телом бабули. Дождь хлещет по лицу, смывая тушь, которую я наносила утром дрожащими руками. Хорошо. Пусть смывает всё — макияж, надежды, иллюзии о том, что у меня есть будущее.

Восемнадцать лет. Восемнадцать чертовых лет я думала, что знаю, как устроен мир. Что буду учиться в университете, работать, жить как нормальные люди. А теперь у меня есть только чёрное платье, которое мне мало, и тридцать тысяч рублей — всё наследство.

— Соболезную, дорогая, — бормочет очередная тётка, сжимая мою руку липкими от слёз пальцами. — Елена Петровна была святой женщиной.

Да, была. Единственным светлым пятном в этом гребаном мире. А теперь её нет, и я одна среди чужих людей, которые смотрят на меня с жалостью.

— Арина.

Голос разрезает воздух, как лезвие по коже. Низкий, хриплый, с горским акцентом. Я поворачиваюсь и замираю.

Мужчина. Высокий, широкоплечий, в дорогом чёрном костюме. Типичный кавказец — смуглая кожа, резкие скулы, квадратная челюсть, нос с лёгкой горбинкой. Тёмные волосы зачёсаны назад, на висках серебристая проседь. Глаза чёрные, холодные, безжалостные. Глаза человека, который привык брать то, что хочет, и не слушать возражений.

Я его никогда не видела. Уверена. Такого мужчину невозможно забыть.

— Кто вы? — шепчу я, и мой голос звучит жалко.

— Камран Байрамов, — представляется он с явной неохотой. — Муж твоей матери.

Удар. Прямо в солнечное сплетение.

— Что? — выдыхаю я. — Какой муж? Мама в коме!

— Была в коме, — поправляет он холодно. — Ира умерла вчера вечером.

НЕТ. Это не может быть правдой. Мама не могла умереть, не приходя в сознание. Я должна была её увидеть, поговорить с ней, хотя бы раз в жизни...

— Вы лжёте! — кричу я, и мой голос эхом разносится по кладбищу.

— Я не лгу, — отвечает он ровно, без эмоций. — И не повышай на меня голос.

Его тон такой властный, такой привычный к подчинению, что я инстинктивно замолкаю. А потом взрываюсь от злости.

— Да кто вы такой, чтобы мне что-то запрещать?! — визжу я. — Я вас в глаза не видела!

— Теперь увидела, — сухо отвечает он. — И привыкай. Согласно завещанию твоей матери, я твой опекун до двадцати одного года.

Мир вокруг меня сжимается до размера булавочной головки.

— Какой нахрен опекун?! Мне восемнадцать!

— И что? — он смотрит на меня как на надоедливую ребёнка. — Думаешь, совершеннолетие автоматически даёт тебе мозги?

— У меня есть мозги!

— Где? — насмешливо спрашивает он. — Покажи. У тебя есть деньги? Работа? Место, где жить? Хоть какие-то полезные навыки?

Каждый вопрос — как пощёчина. Я сжимаю кулаки до боли.

— Это временные трудности...

— Это твоя реальность, — обрывает он меня. — Ира очень просила меня о тебе позаботиться. Я дал слово умирающей женщине.

— Вам плевать на меня! — взрываюсь я. — И на мою мать тоже было плевать!

Что-то меняется в его лице. Становится жёстче, опаснее.

— Мать, которая три года скрывала от мужа существование собственной дочери? — холодно спрашиваю я. — Которая ни разу тебя не навестила, не позвонила, не прислала денег? А вот мне о тебе придётся заботиться, нравится мне это или нет.

— Ну и что вы собираетесь со мной делать? — язвлю я. — Посадить на цепь?

— У меня есть дом. Будешь там жить. Еда, одежда, крыша над головой — всё, что положено.

— А взамен?

— Взамен будешь вести себя прилично и не доставлять проблем.

— А если буду доставлять?

Он смотрит на меня долго, оценивающе. В его взгляде нет ни капли тепла.

— Тогда мне придётся принять меры.

— Какие меры?

— Увидишь, если заставишь.

Гроб бабули опускают в землю, и я слышу глухой стук земли о крышку. Окончательный звук. Звук конца всего, что было мне дорого. Мне плохо мое сердце выворачивает наизнанку, оно кровоточит от боли и хочется зарыдать. Но рядом этот ублюдок и при нес я рыдать не собираюсь. На душе пусто и холодно. А еще страшно. Мать тоже умерла... И кто у меня теперь есть? Вот этот гад?

— У меня нет выбора, — шепчу я.

— Нет, — соглашается он без сочувствия. — Нет выбора.

— Ненавижу вас.

— Мне всё равно.

Эти три слова ранят больше любой пощёчины. Мне всё равно. Я ему просто безразлична. Зачем тогда? Насрать на какие-то обещания!

— Пойдём, — приказывает он, беря меня за локоть.

Его рука большая, жёсткая, и от неё исходит тепло. Я дёргаюсь, пытаюсь освободиться, но он не отпускает.

— Отпустите!

— Не буду. Ты можешь идти сама или я потащу тебя. Выбери.

Я смотрю ему в глаза и понимаю — он не блефует. Этот человек реально готов тащить меня силой.

— Хорошо, — сдаюсь я. — Иду сама.

Камран

Ещё одна проблема в моей жизни.

Я веду к машине эту светловолосую фурию и думаю о том, что надо было отказаться. Надо было сказать Ире "нет", когда она умоляла меня позаботиться о дочери. Но я дал слово. А слово горца — закон.

Даже если это слово превращает мою жизнь в ад.

Арина идёт рядом, источая ненависть как жар. Я никогда её не видел до сегодняшнего дня. Ира тщательно скрывала её существование. Говорила, что дочь умерла в младенчестве. И только умирая, призналась в обмане.

Красивая девочка, ничего не скажешь. Длинные светлые волосы, зелёные глаза, точёные черты лица. Классическая русская красота. Но характер у неё, видимо, гнилой — избалованная, наглая, не знает слова "нельзя". Ещё один "подарок" от Иры.

Три года. Три чертовых года мне придётся с ней возиться.

— Сядь, — приказываю я, открывая дверцу машины.

Она садится, демонстративно хлопнув дверцей. Пристёгивается с таким видом, словно делает мне одолжение.

Завожу двигатель, выезжаю с кладбища. В зеркале заднего вида вижу, как она смотрит на удаляющиеся могилы. Слезы катятся по щекам.

— Больно? — спрашиваю я, не знаю зачем.

— А вам какое дело? — огрызается она.

— Никакого.

— Тогда не спрашивайте.

Дерзкая сучка. Хорошо, что Ира не дождала до того, чтобы увидеть моё отношение к её "тайне". Три года брака, а она ни словом не обмолвилась о дочери. Какая мать так поступает?

— Слушай внимательно, — говорю я, не отрывая глаз от дороги. — Я не твой друг. Не добрый дядюшка. Не наставник. Я мужчина, который дал слово твоей матери, и теперь вынужден это слово держать.

— Как благородно, — язвит она.

— Заткнись и слушай. У меня есть дела поважнее, чем нянчиться с избалованной девчонкой. Поэтому правила простые: ведёшь себя тихо, не доставляешь проблем — живёшь спокойно. Начинаешь выкобениваться — получаешь по заслугам.

— Какие заслуги?

— Узнаешь, если заставишь.

Она поворачивается ко мне, и я вижу боковым зрением, как сверкают её зелёные глаза.

— Вы меня запугиваете?

— Я тебя предупреждаю.

— А разница есть?

— Есть. Запугивание — это когда угрожают. Предупреждение — это когда объясняют правила.

Подъезжаем к дому, и она резко вдыхает, увидев особняк.

— Здесь я буду жить? — спрашивает она тише.

— Мы, — поправляю я. — Здесь будем жить мы.

Паркую машину, выхожу. Она сидит, не двигается.

— Выходи, — приказываю я.

— А если не хочу?

— Вытащу силой.

Она смотрит на меня, оценивая серьёзность угрозы. Видимо, понимает, что я не шучу, потому что выходит сама.

Провожу её в дом, показываю холл. Она вертит головой, разглядывает мраморные полы, хрустальные люстры.

— Богато живёте, — язвительно замечает она.

— Живу как заработал.

— А как заработали?

— Не твоё дело.

Поднимаемся на второй этаж. Открываю дверь в гостевую комнату.

— Твоя комната, — говорю я.

Она заходит, осматривается. Комната обычная — кровать, шкаф, стол. Ничего лишнего.

— А где мои вещи?

— Какие вещи?

— Мои книги, фотографии, всё остальное...

— В квартире, которую я уже сдал хозяину.

Она бледнеет.

— Как сдали?! Без моего разрешения?!

— Аренда закончилась. Денег на продление у тебя нет.

— Но там были мои вещи!

— Пусть этим занимается владелец. Я приказал все там выбросить.
Она смотрит на меня с таким ужасом, словно я убил у неё на глазах котёнка.
— Вы... вы выбросили фотографии бабули?
— Хлам никому не нужен.
— ЭТО НЕ ХЛАМ! — кричит она. — ЭТО МОЯ ЖИЗНЬ!
— Была твоя жизнь, — холодно поправляю я. — Теперь у тебя другая жизнь.
Она падает на кровать, закрывает лицо руками. Плечи дрожат.
— Я хочу домой, — шепчет она.
— Дома больше нет.
— Хочу к бабуле.
— Бабули больше нет.
— Хочу свою старую жизнь.
— И её больше нет.
Каждое моё слово — как удар. Но лучше она поймёт сразу, чем будет питать иллюзии.
— Что вы от меня хотите? — плачет она.
— Хочу, чтобы ты не доставляла мне проблем. Ела вовремя, спала вовремя, не шумела.

Три года пролетят быстро.

— А потом?
— Потом будешь жить как хочешь.
— Если доживу, — мрачно говорит она.
— Доживёшь. Я не садист.
— Тогда кто вы?

Хороший вопрос. Кто я? Человек, который держит слово? Или мужчина, который пожалел о данном обещании?

— Я тот, кто будет тебя контролировать следующие три года, — отвечаю я. — И лучше тебе это принять.

Выхожу из комнаты, оставляя её одну.

В своём кабинете достаю из сейфа документы. Завещание Иры. Её последняя просьба, написанная дрожащей рукой: "Камран, у меня есть дочь. Арина. Ей восемнадцать. Живёт с бабушкой. Я никогда не была хорошей матерью. Но ты... ты хороший человек. Позаботься о ней. Прощу."

Хороший человек. Если бы она знала, о чём я думаю, глядя на её светловолосую дочку. Отчим, блядь. Этого только не хватало.

Три года рядом с красивой, дерзкой, невыносимой блондинкой, которая даже не знала о моём существовании.

Ира, какого чёрта ты об этом вообще попросила? И почему скрывала её от меня?

За окном садится солнце. Первый день закончился.

Осталось тысяча девяносто четыре дня.

Но кто считает?

Глава 2

Арина

Я просыпаюсь в чужой постели, в чужом доме, и на мгновение не понимаю, где нахожусь. А потом память обрушивается лавиной: бабуля мертва, мама мертва, а я — пленница человека, который называет себя моим опекуном и отчимом.

Солнце светит в огромные окна, за которыми простирается идеально ухоженный сад и чертов забор с колючей проволокой. Красота и тюрьма в одном флаконе.

Часы на тумбочке показывают половину седьмого. Завтрак в семь. Он предупредил, чтобы я не опаздывала.

А что, если опоздаю? Что он мне сделает — отшлёпает? Поставит в угол?

Идея проверить его границы кажется всё более заманчивой.

Я намеренно медленно принимаю душ, возюсь с одеждой, крашусь. Пусть ждёт. Пусть злится. Может, тогда поймёт, что я не какая-то покорная овечка, которой можно командовать.

В столовую спускаюсь в четверть восьмого. Камран сидит во главе стола с газетой и чашкой кофе. Даже не поднимает глаз, когда я вхожу.

— Доброе утро, — говорю я вызывающе.

— Опоздала, — констатирует он, не отрываясь от газеты.

— На пятнадцать минут. Подумаешь.

Теперь он поднимает взгляд. Холодный. Раздражённый. Камран выглядит ещё более суровым утром — резкие черты лица словно вырублены из камня.

— Садись. Ешь.

— А если не хочу?

— Тогда не ешь. Но следующий приём пищи будет только в обед.

Наглость! Я сажусь за стол, демонстративно игнорируя еду. Хочу посмотреть, что он будет делать.

Он ничего не делает. Просто читает газету и пьёт кофе. Словно меня здесь нет.

— Вы меня игнорируете? — не выдерживаю я.

— Ты опоздала, капризничаешь и ведёшь себя как избалованный ребёнок, — отвечает он, не поднимая глаз. — Зачем мне тратить на это время?

— Я не ребёнок!

— Ведёшь себя как ребёнок — получаешь соответствующее отношение.

Я встаю так резко, что стул чуть не падает. Мои волосы разлетаются, глаза явно сверкают от злости.

— Пошли вы к чёрту! Не буду терпеть такое отношение!

Наконец-то он откладывает газету. Смотрит на меня с таким выражением, словно я — назойливая муха.

— Зарема! — окликает он.

В столовую входит экономка.

— Да, Камран?

— Арина завтракать не будет. Убери всё.

— Но...

— Убери, — повторяет он железным тоном.

Зарема начинает убирать тарелки, и я понимаю — он серьёзно. Реально оставит меня без еды из-за каких-то пятнадцати минут опоздания.

— Хорошо! — кричу я. — Буду есть!

— Поздно, — спокойно отвечает он. — Момент упущен.

— Что за дебилские правила?!

Он встаёт, подходит ко мне. Высокий, широкоплечий, нависает сверху как горная скала. Кто он? Дагестанец? Очень смуглая кожа, резкие, но красивые черты лица, нос с лёгкой горбинкой. Тёмные волосы зачёсаны назад, на висках серебристая проседь. Глаза чёрные, как горная пропасть, и в них нет ни капли тепла. Только холодная мужская власть, которая не терпит возражений.

— Правила простые, Арина. Завтрак в семь. Обед в час. Ужин в семь вечера. Опоздания не допускаются.

— А если я заболею? Если у меня будут дела?

— Какие дела? — усмехается он. — Ты никуда не ходишь. Не работаешь. Не учишься.

Твоё единственное дело — быть вовремя на приёмах пищи.

— Не учусь? — взрываюсь я. — А как же университет? Как же моё будущее?

— Твоё будущее сейчас здесь. В этом доме.

— До двадцати одного года? А потом что?

Он пожимает плечами с безразличием, которое ранит больше любых слов.

— Потом видно будет.

— Вы же обещали маме позаботиться обо мне!

— Забочусь. Крыша над головой, еда, одежда. Больше тебе ничего не нужно.

Я смотрю на него и понимаю — ему плевать на меня. Совершенно плевать. Я для него досадная обязанность, от которой он хочет избавиться как можно быстрее.

— Ненавижу вас, — шепчу я.

— Взаимно, — холодно отвечает он.

Удар. Прямо в сердце. Он даже не пытается быть вежливым.

— Тогда зачем меня взяли?

— Потому что дал слово. А я всегда держу слово.

— Даже если это слово вам в тягость?

— Даже тогда.

Он поворачивается, собирается уйти.

— Подождите! — окликаю я. — У меня есть вопросы!

— Слушаю, — говорит он, не оборачиваясь.

— Можно мне позвонить друзьям? Сказать, что я в порядке?

— Нет.

— Почему?

— Потому что нельзя.

— Можно выйти в сад?

— Можно. В сопровождении охраны.

— Можно пойти в магазин?

— Зачем? Всё необходимое есть дома.

— Можно хотя бы книги?

Он оборачивается, смотрит на меня с лёгким удивлением.

— Читать умеешь?

— Очень смешно.

— В библиотеке есть книги. Можешь читать.

— Спасибо и на том, — язвлю я.

— Не за что, — серьёзно отвечает он.

Он уходит, оставляя меня одну в огромной столовой. Сажусь обратно за стол, чувствую, как подступают слёзы.

Он меня ненавидит. Открыто, честно ненавидит. И я ему абсолютно безразлична. Как мне жить дальше, как продержаться и не сойти с ума. Я хочу поступить в универ, как мечтала

бабуля. Я хочу что-то из себя представлять, а не три года быть мебелью. Бабушкааа, почему ты меня оставила? Бабулечка моя, сил нет... Я сама скоро умру от горя.

Камран

Чёртова избалованная девчонка.

Я сижу в своём кабинете и пытаюсь сосредоточиться на работе, но мысли постоянно возвращаются к завтраку. К её наглости. К тому, как она смотрела на меня своими огромными глазами, когда я сказал, что ненавижу её.

Может, перегнул палку.

Но нет. Она должна понять с самого начала: я не нянька и не добрый дядюшка. Я взял её только потому, что обещал Ире. И чем быстрее она это усвоит, тем лучше для всех.

Проблема в том, что она красивая. Чертовски красивая. Длинные светлые волосы цвета спелой пшеницы, в которые так и хочется зарыться пальцами. Кожа нежная, бледная, с лёгким румянцем на щеках. А глаза... зелёные, как весенняя трава, большие, выразительные. Когда злится, становится ещё красивее — глаза блестят, щёки горят, пухлые губы сжимаются в упрямую линию. Фигурка миниатюрная, но уже женская — грудь наполняет футболку, бедра округлые под джинсами.

Русская красота. Классическая, аристократичная. Полная противоположность смуглым кавказским женщинам, к которым я привык.

Мне это не нравится. Не нравится, что я это замечаю.

Три года назад, когда женился на Ире, я понятия не имел, что у нее есть взрослая дочь. Поразиться ее равнодушию к девчонке? Я поразился. Честно. Нищета, отсутствие денег, мрак. Ирка даже не помогала. Я так понял была в контрах с матерью. Дочь бросила.

А теперь... теперь она выросла. И стала проблемой.

Стук в дверь прерывает мои мысли.

— Войдите.

Входит Зарема.

— Камран Ибрагимович, можно поговорить?

— О чём?

— О девочке.

Я отклоняюсь в кресле, жестом предлагаю ей сесть.

— Слушаю.

— Ты слишком строг с ней.

— Я выполняю свои обязанности опекуна.

— Ты с ней обращаешься как с врагом.

— А она ведёт себя как враг.

Зарема вздыхает.

— Она потеряла всех близких людей. Она напугана и одинока. Немного понимания...

— Понимания у меня нет, — перебиваю я жёстко. — Есть только обязательства. В нашей культуре мужчина отвечает за женщин своей семьи. Даже если эти женщины ему в тягость.

— Она же ребёнок!

— Ей восемнадцать. Совершеннолетняя. У нас в горах в её возрасте уже троих детей рожают.

— В паспорте да. А в душе — напуганная девочка.

Я встаю, подхожу к окну. Вижу Арину в саду. Она сидит на скамейке с книгой, но не читает. Просто смотрит на забор.

— Что ты от меня хочешь, Зарема?

— Дай ей время привыкнуть. Не ломай её сразу.

— Я её не ломаю. Я устанавливаю правила.

— Слишком жёсткие правила.

Оборачиваюсь к ней.

— У меня нет времени нянчиться с избалованной девчонкой, о которой я узнал три месяца назад, — отвечаю я. — У меня есть дела поважнее.

— Тогда зачем взял?

Хороший вопрос. Зачем взял? Из-за обещания Ире? Или из-за чего-то ещё?

— Потому что обещал, — отвечаю я.

— И теперь жалеешь?

— Да, — честно говорю я. — Жалею.

Зарема качает головой.

— Она хорошая девочка, Камран. Просто немного дикая.

— Слишком дикая.

— Зато красивая.

Смотрю на неё внимательно. В её глазах читается что-то такое...

— К чему ты клонишь?

— Ни к чему, — невинно отвечает она. — Просто констатирую факт.

Она уходит, а я снова смотрю в окно. Арина всё ещё сидит на скамейке. Ветер трепет её волосы, солнце играет на коже.

Красивая. Да, красивая.

И это проблема.

Потому что красивых женщин я знаю, как использовать. А с опекаемыми подопечными такого делать нельзя.

Значит, нужно держать дистанцию. Выполнять формальные обязанности и ждать, когда ей исполнится двадцать один.

Три года. Всего три года.

Справлюсь.

Должен справиться.

Иначе я стану тем, кем обещал себе никогда не становиться.

Арина

Я сижу в саду уже третий час и думаю о побеге. Охранник стоит в пяти метрах — тоже кавказец, широкоплечий, с автоматом за спиной. Делает вид, что меня не видит, но я чувствую его взгляд.

Камран Байрамов — типичный горец-самодур. Наверняка привык, чтобы женщины ему беспрекословно подчинялись, молчали в тряпочку и рожали детей. А я — белокурая русская, которая не знает слова "нельзя".

Ненавидит открыто. Не скрывает.

И знаете что? Хорошо. Пусть ненавидит. Зато честно.

Лучше честная ненависть, чем фальшивая забота.

Но что мне теперь делать? Три года. Три чертовых года в этом доме с человеком, который меня терпеть не может.

Я встаю, иду к забору. Охранник напрягается, но не вмешивается.

Три метра в высоту. Колючая проволока. Камеры.

Но я видела в кино, как люди перелезают через такие заборы. Нужна только правильная подготовка.

— Далеко собралась?

Его голос за спиной заставляет меня подпрыгнуть. Оборачиваюсь — Камран стоит в нескольких шагах, руки в карманах.

— Изучаю периметр, — дерзко отвечаю я.

— И к каким выводам пришла?

— К выводам, что вы параноик.

— Возможно. Но живой параноик.

Он подходит ближе, смотрит на забор.

— Думаешь перелезть?

— А вы что, остановите?

— Попробую поймать, когда упадёшь. Три метра — это больно.

— Заботитесь обо мне? — язвительно спрашиваю я.

— Выполняю обязанности опекуна.

Опять эти чёртовы обязанности. Как будто я какая-то повинность, от которой нельзя избавиться.

— А если я сбегу? — провоцирую я.

— Поймаю.

— А если не поймаете?

Он пожимает плечами.

— Тогда не поймаю. Твой выбор.

Что?! Он что, даже ловить меня не собирается?

— То есть вам всё равно?

— Мне не всё равно до выполнения моих обязательств, — холодно отвечает он. — Но если ты решишь сбежать, я не буду держать тебя силой.

— Почему?

— Потому что мне не нужны проблемы с законом. И потому что три года пройдут быстро.

Я смотрю на него и не верю своим ушам. Он реально готов меня отпустить, лишь бы не возиться со мной.

— Значит, если я сейчас полезу через забор, вы не будете меня останавливать?

— Полезь. Посмотрим.

Вызов принят.

Я подхожу к забору, хватаюсь за металлическую сетку. Руки дрожат, но я начинаю карабкаться.

Метр. Два. Колючая проволока совсем близко.

— Арина.

Его голос заставляет меня остановиться.

— Что?

— Подумай дважды.

— Почему?

— Потому что за забором тебя ждёт мир, к которому ты не готова.

— А здесь меня ждёт что?

— Безопасность.

— И ваша ненависть.

— И моя ненависть, — соглашается он.

Я смотрю вниз. Он стоит у подножия забора, смотрит на меня снизу вверх. В его глазах нет ни злости, ни страха. Только холодное любопытство.

А что, если я действительно сбегу? Что, если полезу дальше?

И куда потом пойду? К кому? У меня нет денег, нет друзей, которые могли бы помочь. Нет ничего.

Медленно слезаю вниз.

— Передумала? — спрашивает он.

— Пока что, — мрачно отвечаю я.

— Умно.

Мы идём обратно к дому в молчании. У крыльца он останавливается.

— Арина.

— Что?

— Обед в час. Не опаздывай.

— А если опоздаю?

— Останешься голодной.

— И это всё? Никаких наказаний?

— А что ты ожидала? Порки?

Я краснею, потому что именно это и ожидала.

— Будет, если выбесешь, — добавляет он. — Я люблю пунктуальность, правила. Пока живешь в моем доме – соблюдаешь.

Он уходит в дом, а я остаюсь стоять на крыльце.

Странный он. Говорит, что ненавидит меня, но не мешает сбежать. Устанавливает правила, но не наказывает за их нарушение.

Может, он не такой ужасный, как кажется?

Или просто ему действительно всё равно?

В час я спускаюсь к обеду. Вовремя. Потому что есть хочется до дрожи в руках.

Камран уже сидит за столом, читает документы.

— Вовремя, — констатирует он, не поднимая глаз.

— Да.

— Хорошо.

Больше мы не разговариваем. Едим в молчании. Он читает, я изучаю его укладкой.

Красивый мужчина. Очень красивый, если честно. Жёсткий, как скала, холодный, как горный ветер, но красивый. Классические кавказские черты — резкие скулы, квадратная челюсть, густые тёмные брови. Руки крупные, с толстыми пальцами и выступающими венами. Руки воина, которые умеют и ласкать, и убивать. И опасный. Это чувствуется даже в том, как он держит вилку — как оружие.

Интересно, о чём он думает? О работе? Или о том, как быстрее от меня избавиться?

— Можно вопрос? — спрашиваю я.

— Можно.

— Вы правда меня ненавидите?

Он откладывает документы, смотрит на меня.

— А тебе важно?

— Да.

— Почему?

— Потому что мне предстоит три года жить с человеком, который меня терпеть не может.

Он долго молчит, обдумывая ответ.

— Я не ненавижу тебя, Арина, — наконец говорит он. — Ты мне просто безразлична.

Это ещё хуже ненависти.

— Понятно, — шепчу я.

— Хорошо, что понятно. Тогда мы поладим.

Может быть.

А может быть, я сделаю всё, чтобы стать ему безразличной.

Любой ценой. Пусть ему станет весело со мной. Сволочь. Обещал он. Наверняка есть еще причина. И я до нее докопаюсь.

—————

Глава 3

Арина

Прошла неделя. Семь дней в золотой клетке Камрана Байрамова, и я схожу с ума от скуки.

Режим железный: завтрак в семь, обед в час, ужин в семь вечера. Между приёмами пищи — библиотека, сад под присмотром охраны или моя комната. Никаких друзей, никаких звонков, никакой жизни.

А он... он словно забыл о моём существовании. Появляется только на завтраках и ужинах, читает газеты, отвечает односложно на мои попытки разговора. Я для него — назойливая муха, которую приходится терпеть.

И знаете что? Меня это бесит.

— Зарема уже убрала завтрак, — говорит он спокойно, когда я спускаюсь вниз. Пять минут опоздания. Пять гребаных минут. Я в душе не заметила.

— Пусть принесёт новый.

— Не принесёт.

— Почему?

— Потому что я сказал не приносить.

Я смотрю на него, не веря своим ушам. Он реально оставит меня без еды из-за каких-то пяти минут? Ладно в первую встречу, но сейчас?

— Вы серьёзно?

— Абсолютно.

— Это садизм!

— Это дисциплина, — поправляет он, возвращаясь к планшету. — Чего тебе не хватает.

Что-то внутри меня взрывается. Неделя унижений, безразличия, жизни по его дурацким правилам — и всё. Мне хватит.

— Знаете что? — говорю я, подходя к столу. — Идите к чёрту со своей дисциплиной!

Хватаю его чашку с кофе и выливаю содержимое ему на рубашку.

Время останавливается.

Камран медленно поднимает глаза. В них больше нет холодного безразличия. Есть что-то тёмное, опасное, первобытное. Что-то, что заставляет мое сердце колотиться как бешеное.

— Что ты сделала? — спрашивает он тихо.

Слишком тихо.

— То, что должна была сделать неделю назад, — дерзко отвечаю я, хотя руки предательски дрожат.

Он встаёт. Медленно. Двигается как большая кошка — плавно, бесшумно, смертельно опасно. Тёмные пятна кофе расползаются по белой рубашке, но он словно не замечает.

— Арина, — произносит он моё имя так, что у меня мурашки бегут по коже. — Ты только что совершила очень большую ошибку.

— Да? — выдыхаю я, отступая назад. — И что вы мне сделаете? Накажете как непослушную девочку? Дадите по попе?

Что-то меняется в его лице. Глаза темнеют, ноздри раздуваются. Он делает шаг вперёд, и я замечаю, как его джинсы стали заметно теснее в области паха.

— Хочешь узнать?

Я продолжаю пятиться, пока не упираюсь спиной в стену. Он подходит вплотную, упирается ладонями в стену по обе стороны от моей головы. Я в ловушке между его руками, чувствую тепло его тела, запах кожи и того самого кофе, которым его облила. Что-то горячее и тягучее

разливается внизу живота, заставляя сжать ноги. Мурашки бегут по коже, соски напрягаются под тонкой тканью футболки.

— Ну? — шепчу я, запрокидывая голову, чтобы посмотреть ему в глаза. — Чего ждёте?

Его взгляд скользит по моему лицу, останавливается на губах, опускается к шее, где бешено пульсирует кровь.

— Ты не представляешь, с чем играешь, девочка.

— Я не девочка!

— Нет? — его голос становится хриплым. — Тогда кто ты?

— Женщина!

— Докажи.

Мир сжимается до размеров пространства между нами. Я вижу золотистые искорки в его тёмных глазах, чувствую его дыхание на своей коже. Моё сердце колотится так громко, что он наверняка слышит. Между ног пульсирует влажное тепло, и я надеюсь, что он не замечает, как часто я дышу.

— Как? — шепчу я.

Вместо ответа он наклоняется ко мне. Его губы почти касаются моих, и я чувствую, как моё тело предательски отзывается на близость.

Дыхание сбивается, кожа горит, внизу живота всё сжимается и пульсирует от нестерпимого желания. Я вижу, как напрягается его челюсть от внутренней борьбы.

— Камран... — срывается с моих губ.

Он замирает, услышав своё имя. А потом резко отстраняется, словно очнувшись от наваждения.

— Чёрт, — выдыхает он, проводя рукой по волосам.

Я стою у стены, дрожу всем телом. От страха? От возбуждения? Не понимаю.

— Что... что сейчас было? — шепчу я.

Он поворачивается ко мне спиной, опирается руками о стол.

— Херня, — говорит он жёстко. — Чёртова ошибка. Убирайся в свою комнату, — приказывает он.

— Но... Я хочу есть!

— Немедленно!

Выбегаю из столовой, чувствуя как щеки разрывает от прилива крови. .

Камран

Я стою в столовой, смотрю на закрывшуюся за ней дверь и понимаю — я облажался. Серьёзно облажался. Эрекция до сих пор не спадает, джинсы натянуты до боли. Стоит закрыть глаза, как я снова вижу её лицо, чувствую запах её кожи, слышу то, как она произнесла моё имя.

Что, чёрт возьми, на меня нашло? Почему я не просто наказал её за дерзость, а... почти поцеловал? Мой член до сих пор напряжён. Стоит только вспомнить, как она смотрела на меня снизу вверх, как её грудь поднималась и опускалась под футболкой, как пахла её кожа... Как торчали маленькие соки. Бляяяядь. Зачем я туда посмотрел. У нее грудь нереально красивая. Упругая, молодая, нежная. Без силикона. Сука, твою мать. Это ж девочка совсем, Камран, у тебя крыша поехала?

Она ребёнок. Моя подопечная. Дочь моей покойной жены.

Но когда она стояла у стены, смотрела на меня своими зелёными глазами, дышала часто и прерывисто... когда произнесла моё имя этим хриплым шёпотом, я едва не потерял рассудок.

Хотел прижать её к стене всем телом, почувствовать каждый изгиб, каждую линию. Хотел услышать, как она застонет...

Чёрт. Чёрт. ЧЁРТ.

Стягиваю испачканную рубашку, бросаю в корзину. Иду в душ, включаю холодную воду. Но это не помогает. В голове крутится одно: её губы в нескольких миллиметрах от моих, её дыхание на моей коже, то, как она сказала моё имя.

Арина.

Восемнадцать лет. Светловолосая. Красивая. И совершенно запретная.

Но мой организм, похоже, не понимает слова "запретная".

Глава 4

Арина

Кошмары приходят в третью ночь после моего побега.

Но не те кошмары, которых я ожидала. Не о смерти, не о страхе. А о нём. О Камране Байрамове и том, как он смотрел на меня.

Я просыпаюсь с криком, вся в поту. Во сне он снова прижимал меня к стене, смотрел на мои губы тем голодным взглядом. И между нами было что-то электрическое, опасное, запретное.

Сижу в кровати, тяжело дышу и понимаю — я схожу с ума. Три дня он меня игнорирует. Три дня холодного безразличия, словно того момента с кофе не было.

И это бесит меня больше, чем его равнодушие в первые дни. Тюремщик, убийца, ублюдок. Что у него было с моей мамой? Он свел ее с ума так же быстро как и меня? увидела и все. И убить хочется и род ним оказаться. А еще...

Потому что теперь я знаю — под этой маской безразличия скрывается что-то другое. Что-то, что заставляет его избегать меня.

Стук в дверь. Тихий, осторожный.

— Арина? — голос Камрана за дверью.

Значит, он всё-таки слышал мой крик. Интересно.

— Входите, — говорю я, стараясь звучать сонно.

Дверь открывается, и он входит. На нём только тёмные спортивные штаны, торс голый. В приглушённом свете луны я вижу рельефные мышцы груди, шрамы на плечах. Грубоватые, но такие идеально красивые кавказские черты ещё более резкие в полумраке.

Красивый мужчина. Опасно красивый.

— Что случилось? — спрашивает он, останавливаясь у двери.

— Дурной сон, — отвечаю я, потягиваясь.

Ночная рубашка задирается, обнажая бёдра. Вижу, как его взгляд на секунду задерживается на моих ногах, а потом резко в сторону.

— О чём был сон?

— О похоронах, — лгу я. — О том, что все ушли, а я осталась одна. У могилы...

Он кивает, принимая объяснение. Но не уходит.

— Хочешь воды?

— Не хочу воды, — отвечаю я, встав с кровати.

Подхожу к нему, босыми ногами по холодному полу. Останавливаюсь близко, но не вплотную. Просто смотрю на него снизу вверх.

— Хочу, чтобы вы остались.

— Зачем?

— Боюсь, что кошмар вернётся. Раньше бабушка со мной оставалась.

Это правда. Только кошмар не о похоронах.

— Арина...

— Что?

— Я не няня. И не твоя бабушка.

— Знаю. Вы мужчина, который убивает людей.

Что-то меняется в его лице. Становится жёстче.

— И тебя это не пугает?

— Должно?

— Нормальную девочку — да.

— А я ненормальная!

Он смотрит на меня долго, изучающе. Вблизи его глаза настолько красивые, что дух захватывает. Золотистые крапинки, длинные ресницы. Большие, бархатные, обжигающие. В них столько обещания омута срасти, греха, темноты.

— Не знаю. Что ты вообще за человек?

— А вам интересно?

— На хрена мне это? Хотя, было б неплохо понять, что творится в твоей голове.

Я улыбаюсь. Впервые за три дня он проявляет ко мне хоть какой-то интерес.

— Я девочка, которая выросла без родителей. Которая привыкла рассчитывать только на себя. Которая не боится сильных мужчин.

— Должна бояться.

— Почему?

— Потому что сильные мужчины ломают маленьких девочек.

— А если маленькая девочка не такая уж маленькая?

Он усмехается, но без тепла.

— Тебе восемнадцать. Ты ребёнок.

— В восемнадцать ваши горянки уже троих детей рожают.

— Мои горянки знают своё место.

— А я не знаю?

— Ты даже не представляешь, где находишься. Не то, что не знаешь своего места. Но я тебе его покажу.

Он поворачивается, собирается уйти. И я понимаю — сейчас или никогда.

— Камран, — окликаю я.

Мы как будто оба вздрагиваем от звука его имени. Камран...как красиво оно звучит в темноте и в тишине.

— Что?

— Вы смотрели на меня...когда я пролила коые наклонились ко мне. Что вы хотели сделать?

Он останавливается. Медленно поворачивается ко мне.

— Не твоё дело.

— Хочу знать.

— Зачем?

— Интересно...это ведь меня касается!

Слова вырываются сами собой. Честные, незащищённые.

Камран смотрит на меня, и что-то меняется в его глазах. Становится темнее.

— Арина...

— Что?

— Тебя не касается ни одна моя мысль, уж поверь мне!

— Знаю. Знаю, что когда вы рядом, у меня учащается пульс. Знаю, что ваш голос заставляет меня дрожать. Знаю, что...

— Хватит, — обрывает он меня. -

— Почему хватит? Потому что это правда?

Он подходит ко мне быстро, резко. Хватает за плечи, встряхивает. Он зол. Но я вижу как он сжимает челюсти и выступают его скулы.

— Потому что это неправильно!

— Почему?

— Потому что ты ребёнок. А я не извращенец.

— Я не ребёнок!

— Для меня — ребёнок.

Но его руки на моих плечах говорят обратное. Они дрожат. Сжимают сильнее, чем нужно.
— Тогда почему дрожите? — шепчу я.

— Не дрожу.

— Дрожите. И смотрите на меня не как на ребёнка.

— Как смотрю?

— Как мужчина смотрит на женщину, которую хочет.

Его глаза темнеют ещё больше. Он наклоняется ко мне, и на мгновение мне кажется, что он меня поцелует.

Но в последний момент резко отстраняется, словно очнувшись. Но этот момент заставляет меня трепетать так, что кажется бабочки захлебнулись восторгом у меня в животе. Боже...Мать наверное сходила от него с ума. А теперь я начинаю. Это какое-то навождение.

— Меня не привлекают малолетки, — говорит он холодно.

Удар. Прямо в сердце.

— Что?

— Ты слышала. Меня не привлекают дети, которые играют во взрослых.

— Я не играю!

— Играешь. И очень плохо.

Он отворачивается, идёт к двери.

— Найди себе мальчика своего возраста, — бросает он через плечо. — И не играйся со мной. Не то можешь сильно пострадать.

Дверь закрывается за ним с резким щелчком.

Я стою посреди комнаты, чувствую, как слёзы жгут глаза. Малолетка. Ребёнок, который играет во взрослых.

Но я видела его глаза. Видела, как он смотрел на меня. Видела, что едва удержался от поцелуя.

Он лжёт. Себе и мне.

Камран

Я захопываю дверь своего кабинета и упираюсь в неё спиной.

Чёрт. Чёрт. ЧЁРТ.

Ещё секунда — и я бы её поцеловал. Поцеловал восемнадцатилетнюю девочку, которая смотрит на меня этими огромными зелёными глазами и говорит вещи, от которых у меня сносит крышу.

"Ваш голос заставляет меня дрожать."

"Вы смотрите на меня как мужчина на женщину, которую хочет."

Умная девочка. Слишком умная для моего спокойствия.

Потому что она права. Я смотрю на неё именно так. Хочу её так, что готов забыть обо всём — о долге, о правилах, о том, что между нами двадцать лет разницы. Хочу с того момента как увидел на похоронах. Тонкую, нежную, белокурую. Ангелочек дьявольский. Ее тело под одеждой, такое юное, сочное. Блядь! Я конченный педофил! Двадцать гребаных лет между нами!

Иду к бару, наливаю виски. Алкоголь жжёт горло, но не помогает забыть её слова. Её взгляд. То, как она стояла рядом в одной ночной рубашке, и я видел очертания её груди под тонкой тканью. Эти маленькие соски, напряженные от прохлады. Мать твою...у меня член вздергивается сразу же только от мысли, что они могут оказаться у меня во рту.

Член болезненно напряжён. Но я не буду думать о ней, когда буду себя улаживать.

Достаю телефон, набираю номер.

— Камила? Приезжай.

— Снова? Не спишь по ночам?

— Просто приезжай.

Час спустя она у меня в спальне. Красивая, опытная женщина тридцати лет. Всё, что нужно мужчине для разрядки.

Ложусь на неё, закрываю глаза и позволяю фантазии захватить меня.

Это не Камила подо мной. Это Арина. Её стройные ноги обвивают мои бёдра, её руки скользят по моей спине. Это её голос стонет моё имя, её зелёные глаза смотрят на меня снизу вверх.

"Покажите мне", — шепчет она в моём воображении.

И я показываю. Жёстко, требовательно, без пощады. Беру её так, как хочу взять на самом деле.

Кончаю с её именем на губах. Тихо, почти неслышно, но Камила не замечает.

Отваливаюсь на спину, тяжело дышу. Чувствую омерзение к себе.

— Хорошо было, — говорит Камила, поглаживая мою грудь.

— Да.

— Давно не видела тебя таким страстным.

Если бы она знала, о ком я думал... На хер ей знать. Она просто дырка. Опытная, умелая шалава, всегда готовая за пару сотен зеленых отсосать и раздвинуть ноги.

Но бесит не это.

Я трахаю другую женщину и думаю о восемнадцатилетней девочке. Кончаю, представляя её под собой.

Это хуже, чем просто хотеть её. Это значит, что она захватила не только моё тело, но и мои фантазии.

И я не знаю, как с этим бороться. Неделю в моем доме и я как конченный Гумберт.

Потому что каждый раз, закрывая глаза, я буду видеть её зелёные глаза и слышать её голос: "Покажите мне".

И рано или поздно фантазии станут недостаточно.

Рано или поздно я сломаюсь и покажу ей всё.

Глава 5

"Меня не привлекают малолетки."

Эти слова врезались в память, как раскалённое клеймо. Каждый раз, когда я их вспоминаю, что-то болезненно сжимается в груди, перехватывает дыхание. Но я видела правду в его чёрных глазах. Видела желание — сырое, первобытное, опасное — которое он пытается похоронить под маской олимпийского равнодушия. И это желание, пульсирующее в воздухе между нами, как электрический ток, даёт мне силы.

Силы бороться. Силы не сдаваться. Силы показать ему, что я не та покорная овечка, которой можно помыкать.

Сегодня утром, стоя перед зеркалом в своей золотой клетке, я приняла решение. Если он хочет играть в безразличие — пусть играет. А я покажу ему, что на его мнение мне плевать до тошноты.

Моё отражение смотрит на меня с вызовом. Зелёные глаза горят решимостью, светлые волосы рассыпались по плечам золотистым водопадом. На губах играет улыбка — не добрая, не детская. Улыбка хищницы, которая почувствовала слабость противника.

Я сбегу.

План простой до примитивности. Дождаться, когда Камран уедет по делам. Спуститься по дереву у окна. Добраться до автовокзала. Купить билет до Москвы на те деньги, которые удалось накопить из карманных, что изредка даёт мне Зарема.

Свобода в двадцати километрах от этого дома. Свобода и новая жизнь, где не будет мужчины с чёрными глазами, который сводит меня с ума одним взглядом.

В десять утра слышу звук отъезжающей машины. Камран уехал — Зарема сказала, что у него важная встреча и вернётся он только к вечеру.

Идеальная возможность.

Быстро одеваюсь в джинсы и кроссовки — одежду для побега, а не для соблазнения. Засовываю в карман деньги, документы, телефон. Сердце колотится как бешеное, руки дрожат от адреналина.

Подхожу к окну, распахиваю его настежь. Ветви старого дуба почти касаются подоконника. Если повезёт, доберусь до земли без переломов.

Перекидываю ногу через подоконник, хватаюсь за ветку. Дерево скрипит под моим весом, но держит. Медленно, осторожно спускаюсь вниз, цепляясь за ветки и сучья.

Ветка под ногой с треском ломается, и я падаю последние два метра. Больно ударяюсь коленом о землю, но кости целы.

Встаю, отряхиваюсь. Оглядываюсь по сторонам — вроде никто не видел.

Бегу к забору, ищу место, где можно перелезть. Три метра высотой, колючая проволока сверху, но я найду способ. Должна найти.

В дальнем углу сада забор чуть ниже — здесь его подмыло дождями. Подтаскиваю садовую скамейку, взбираюсь на неё. Осторожно перекидываю через колючую проволоку куртку, чтобы не порезаться.

Перелезаю. Куртка цепляется за проволоку, рвётся, но я на свободе.

Свобода пахнет весенним воздухом и возможностями. Пахнет жизнью без правил и запретов.

Бегу по просёлочной дороге к трассе. До автовокзала километров пятнадцать, но я доберусь. Поймаю попутку или пройду пешком.

Главное — подальше от него. Подальше от его холодных глаз и презрительного тона. Подальше от собственных глупых фантазий о том, что между нами может что-то быть.

Через полчаса добираюсь до трассы. Встаю у обочины, голосую проезжающим машинам. Первые две проезжают мимо, третья — грузовик — тормозит.

— Куда едешь, красавица? — спрашивает водитель, мужчина лет пятидесяти с похотливым взглядом.

— В город, — отвечаю я.

— Садись. За компанию довезу.

Что-то в его тоне мне не нравится, но выбора нет. Сажусь в кабину, стараюсь сесть ближе к двери.

Грузовик трогается с места. Водитель то и дело бросает на меня взгляды, облизывает губы.

— Молоденькая какая, — говорит он, кладя руку мне на колено. — Сколько лет-то?

— Уберите руку, — холодно говорю я.

— Не капризничай. За проезд надо расплачиваться.

Его рука скользит выше, к бедру. Я отталкиваю её, но он хватает мою руку, сжимает больно.

— Не дури, девочка. Ещё понравится.

Паника накрывает меня волной. Я рвусь к двери, но грузовик едет по трассе на скорости, выпрыгнуть — значит разбиться.

— Отпустите меня! — кричу я.

— Куда торопишься? Найдём тихое местечко, проведём время...

И тут сзади раздаётся рёв мотора. В зеркале вижу чёрный внедорожник, который несётся по трассе на бешеной скорости.

Сердце замирает. Я знаю эту машину.

Камран.

Внедорожник подрезает грузовик, заставляя водителя резко тормозить. Грузовик останавливается на обочине.

Из внедорожника выходит Камран. Лицо каменное, глаза горят такой яростью, что я невольно сжимаюсь в кресле.

Он подходит к кабине грузовика, открывает дверь со стороны водителя.

— Выходи, — говорит он тихо.

— Слушай, мужик, мы тут...

— Выходи, — повторяет Камран, и в его голосе звучит такая угроза, что водитель бледнеет.

Водитель выбирается из кабины. Камран хватается за грудки, прижимает к боку грузовика.

— Ты её трогал? — спрашивает он.

— Нет, я просто...

— Ты её трогал?

— Да не трогал я никого!

Камран смотрит на меня.

— Он тебя трогал?

— Да, — шепчу я.

Лицо Камрана становится ещё жёстче. Он разворачивается к водителю, бьёт его кулаком в лицо. Мужчина падает, кровь течёт из носа.

— Следующий раз, когда решишь приставать к девочкам, подумай дважды, — говорит Камран холодно.

Поворачивается ко мне.

— Выходи.

Выбираюсь из кабины на дрожащих ногах. Камран хватает меня за запястье, тащит к своей машине.

— Садись, — приказывает он, открывая дверь.

— Камран, я...

— Садись!

Его крик заставляет меня вздрогнуть. Сажусь в машину, пристёгиваюсь дрожащими руками.

Камран садится за руль, заводит двигатель. Его лицо как маска, но я вижу, как играют мышцы на его челюсти.

Мы едем в молчании. Воздух в машине густой, тяжёлый. Я боюсь пошевелиться, боюсь дышать.

— Почему? — наконец спрашивает он.

— Что почему?

— Почему сбежала?

— Потому что не могу больше там жить.

— Не можешь жить в доме с едой, тёплой постелью и крышей над головой?

— Не могу жить в клетке.

— Это не клетка. Это безопасность.

— Для кого безопасность? Для меня или для вас?

Он резко поворачивается ко мне.

— Что ты имеешь в виду?

— Вы боитесь того, что чувствуете ко мне. Поэтому держите меня взаперти.

— Я ничего к тебе не чувствую.

— Лжёте.

— Не лгу.

— Тогда почему так быстро меня нашли? Почему бросили все дела и помчались искать?

Он молчит, сжав руль до белых костяшек.

— Потому что дал слово твоей матери, — наконец говорит он.

— Только поэтому?

— Только поэтому.

Но я не верю ему. Видела, как он смотрел на водителя грузовика. Видела ярость в его глазах, когда понял, что меня трогал чужой мужчина.

Это была не ярость опекуна. Это была ярость самца, защищающего свою самку.

Подъезжаем к дому. Ворота открываются, мы въезжаем во двор.

— Выходи, — приказывает Камран.

Выхожу из машины. Он идёт рядом со мной к дому, и я чувствую исходящую от него ярость.

У крыльца он останавливается.

— Арина.

— Что?

— Ты никуда не денешься.

В его голосе звучит обещание. Не угроза — обещание.

— Что вы имеете в виду?

— Имею в виду, что в следующий раз, когда попытаешься сбежать, я найду тебя. И привезу обратно. Сколько бы попыток ты ни предпринимала.

— А если не захочу возвращаться?

Он подходит ко мне вплотную, хватая за запястья. Сжимает сильно, больно.

— Захочешь, — говорит он тихо. — Потому что альтернатива хуже.

— Какая альтернатива?

- Узнаешь, если попытаешься сбежать ещё раз.
Отпускает мои запястья. На коже остаются красные отметины от его пальцев.
- Иди в свою комнату, — приказывает он. — И больше не выходи без разрешения.
- А если выйду?
- Не выйдешь.
- Почему вы так уверены?
- Он усмехается, но в этой улыбке нет тепла.
- Потому что завтра поставлю решётки на окна.

Глава 6

Есть моменты в жизни мужчины, когда он понимает — судьба играет с ним в злую игру. Подкидывает искушение, от которого невозможно отказаться, а потом смеётся, наблюдая, как он горит в аду собственных желаний. И я сломался...Просто сломался прямо сегодня! Крышу снесло на хрен!

Вчерашний побег маленькой сучки стал последней каплей.

Я проснулся в пять утра с одной мыслью, которая долбила виски, как кувалда по наковальне: этой девчонке нужен урок. Жёсткий, болезненный урок, который навсегда отобьёт у неё желание играть со мной в кошки-мышки.

Потому что я больше не могу. Не могу смотреть на неё за завтраком и думать о том, какой вкус у её кожи. Не могу слышать её голос и представлять, как она будет стонать моё имя. Не могу существовать в одном доме с этой светловолосой чертовкой, которая сводит меня с ума одним взглядом зелёных глаз.

Восемнадцать лет. Дочь моей покойной жены. Девчонка, которая должна быть мне как... как что? Как дочь? Как младшая сестра?

Хуйня. Полная хуйня.

Я встаю с кровати, иду в душ. Включаю холодную воду, пытаюсь остудить кровь, которая кипит в венах каждый раз, когда думаю о ней. Но даже ледяная вода не помогает. Стоит закрыть глаза — и я вижу её вчера в кабине того гребаного грузовика. Испуганную, уязвимую, нуждающуюся в защите.

И мой член встаёт, как у четырнадцатилетнего подростка, увидевшего первое порно.

Блядь.

Я выхожу из душа, одеваюсь. Чёрные джинсы, чёрная футболка. Траурная одежда для похорон её детских иллюзий.

Сегодня она узнает, кто я такой. Узнает, что происходит с маленькими девочками, которые играют со взрослыми мужчинами.

Спускаюсь в кабинет, достаю из сейфа пистолет. "Глок-19" — верный друг, который никогда не подводил. Проверяю магазин, вставляю обратно. Кладу на стол так, чтобы она его видела.

Сегодня у неё будет выбор: быть хорошей девочкой или познакомиться с тем, что я делаю с непослушными.

В семь утра поднимаюсь к ней. Стучу в дверь один раз. Вежливо. По-джентльменски.

— Арина. Спускайся в кабинет. Сейчас же.

Молчание.

— Арина, я знаю, что ты не спишь. У тебя есть две минуты.

Слышу шорох, быстрые шаги. Дверь открывается, и она выглядывает — растрёпанная, заспанная, в одной ночной рубашке.

Господи. Эта рубашка. Короткая, тонкая, почти прозрачная. Под ней ничего нет — я вижу очертания её груди, тёмные кружочки сосков.

Что-то горячее и звериное поднимается из самых тёмных глубин моей души. Что-то, что хочет сорвать с неё эту рубашку, прижать к стене и показать, что такое настоящий мужчина.

Но я сдерживаюсь. Пока что.

— Одевайся, — говорю я хрипло. — Спускайся в кабинет.

— Зачем?

— Узнаешь, когда спустишься.

Она смотрит на меня настороженно, но кивает. Закрывает дверь.

Я жду в коридоре, опираясь на стену. Философы говорят, что терпение — добродетель. Хуйня. Терпение — это медленная смерть. Каждая секунда ожидания убивает что-то внутри меня.

Через пять минут дверь открывается снова. Она в джинсах и футболке — одежде, которая подчёркивает каждый изгиб её тела. Волосы собраны в хвост, лицо без макияжа. Выглядит молодо. Слишком молодо.

И слишком чертовски привлекательно.

— Пойдём, — говорю я.

Мы спускаемся в кабинет молча. Она идёт впереди, я смотрю на покачивание её бёдер и думаю о том, что я — последняя сволочь. Мужчина, который хочет восемнадцатилетнюю девочку.

Но знаете, что самое страшное? Мне плевать на мораль. Плевать на возраст. Плевать на то, что правильно, а что нет.

Я хочу её. Хочу так сильно, что готов сжечь весь мир, лишь бы получить.

В кабинете указываю ей на стул перед столом.

— Садись.

Она садится, скрещивает руки на груди. Поза защитная, но подбородок задран вызывающе.

— Что вы хотите? — спрашивает она.

— Поговорить.

— О чём?

— О вчерашнем.

Беру пистолет со стола, медленно кручу в руках. Вижу, как расширяются её зрачки, как напрягается тело.

— Ты сбежала, — говорю я спокойно.

— Да.

— Зачем?

— Потому что хотела.

— И чего добились?

— Ничего. Вы меня поймали.

— Правильно. Поймал. И знаешь почему?

— Потому что обещали моей матери.

Усмехаюсь. Наивная девочка. Думает, что всё так просто.

— Нет, Арина. Не поэтому.

— Тогда почему?

Встаю, обхожу стол. Подхожу к ней сзади, кладу руки на спинку стула. Наклоняюсь так, чтобы мои губы были у самого её уха.

— Потому что ты — моя собственность. И я не отдаю то, что принадлежит мне.

Она резко оборачивается, но я уже отхожу.

— Я не ваша собственность!

— Нет? Тогда объясни мне: кто платит за твою еду? За твою одежду? За крышу над головой?

— Вы. Но это не значит...

— Это значит именно то, что я сказал. Ты живёшь на мои деньги, в моём доме, по моим правилам. Следовательно — ты моя.

Она встаёт, отходит от стула.

— Вы сумасшедший.

— Возможно. Но это не меняет сути.

Снова кручу пистолет в руках. Металл холодный, привычный. Сколько жизней оборвал этот кусок стали? Десять? Двадцать? Перестал считать после пятнадцатой.

— Знаешь, что я делаю с людьми, которые меня обманывают? — спрашиваю я.

— Убиваете?

— Иногда. Но сначала я их ломаю. Медленно. Болезненно. Заставляю понять, что сопротивление бесполезно.

Вижу, как она бледнеет, но голос остаётся твёрдым.

— Вы меня запугиваете.

— Нет. Я тебя предупреждаю.

Кладу пистолет обратно на стол. Подхожу к ней вплотную.

— Вчера ты попыталась меня обмануть. Сбежать от ответственности. И что получила? Тебя чуть не изнасиловал дальнобойщик.

— Но не изнасиловал.

— Потому что я тебя спас. А если бы не спас? Если бы приехал на полчаса позже?

Она молчит, опускает глаза.

— Тогда бы ты узнала, что такое настоящий ад. Узнала бы, как мужчины обращаются с девочками, которые играют во взрослых.

Беру её за подбородок, заставляю посмотреть на меня.

— И поэтому сегодня ты получишь урок. Урок послушания.

— Какой урок?

— Снимай одежду.

Слова вылетают сами собой. Я не планировал их говорить, но сейчас, глядя в её зелёные глаза, понимаю — это единственный способ сломать её сопротивление.

— Что?

— Ты слышала. Раздевайся.

— Нет.

— Арина, это не просьба.

— Сказала — нет!

Она отступает к двери, но я быстрее. Хватаю её за запястье, разворачиваю к себе.

— Ты можешь раздеться сама, или я тебя раздену. Выбирай.

В её глазах читается паника, но и что-то ещё. Что-то, что заставляет мою кровь кипеть. Возбуждение.

Маленькая извращенка возбуждается от моей грубости.

— Почему вы так со мной? — шепчет она.

— Потому что ты этого заслуживаешь.

— За что?

— За то, что заставляешь меня терять контроль.

Слова срываются с губ раньше, чем я успеваю их остановить. Чёрт. Не должен был этого говорить.

— Заставляю? — в её голосе появляются новые нотки. Более уверенные.

— Заставляешь. Каждым взглядом. Каждым движением. Каждым чертовым вдохом.

Притягиваю её ближе, чувствую тепло её тела, запах её кожи.

— Ты думаешь, это игра? Думаешь, можешь дразнить меня и ничего не будет?

— Я не дразню...

— Лжёшь. Дразнишь с первого дня. Провоцируешь. Соблазняешь.

— Я не соблазняю!

— Нет? Тогда что это было вчера в саду? Когда ты флиртowała с Максимом?

— Я просто разговаривала...

— В платье, которое едва прикрывало твою задницу. Наклонялась так, чтобы он видел твою грудь.

Мой голос становится хриплым, опасным.

— Заставляла его хотеть тебя.

— И что с того?

— То, что если любой мужчина, кроме меня, прикоснётся к тебе, я его убью.

Тишина. Она смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

— Что вы сказали?

Понимаю, что сказал слишком много. Показал слишком много. Но отступить поздно.

— Ты слышала.

— Вы... вы ревнуете?

— Я защищаю свою собственность.

— Я не ваша собственность!

— Ещё как моя.

Толкаю её к стене, прижимаю всем телом. Она такая маленькая, хрупкая. Я мог бы сломать её пополам одной рукой.

— Хочешь знать правду? — шепчу ей в ухо. — Хочешь знать, что я думаю о тебе каждую ночь?

— Камран...

— Думаю о том, как ты будешь выглядеть подо мной. Как будешь стонать. Как будешь умолять меня не останавливаться.

Её дыхание учащается. Я чувствую, как напрягаются её соски под тонкой тканью футболки.

— Думаю о том, какая ты на вкус. На ощупь. Как сожмёшься вокруг меня, когда я буду тебя трахать.

— Хватит, — шепчет она, но в её голосе нет твёрдости.

— Почему хватит? Потому что возбуждаешься?

Провожу рукой по её боку, чувствую, как она дрожит.

— Потому что понимаешь, что хочешь того же?

— Нет...

— Лжешь. Твоё тело говорит правду.

Моя рука скользит к её груди, накрывает. Она выгибается, но не отталкивает.

— Соски твёрдые. Дыхание частое. Между ног наверняка мокро.

— Отпустите...

— Не отпущу. Никогда не отпущу.

И тут до меня доходит весь ужас ситуации. Я прижал к стене восемнадцатилетнюю девочку. Лапаю её. Говорю грязи.

Я — чудовище.

Резко отстраняюсь, отхожу на шаг.

— Блядь, — выдыхаю я.

Арина стоит у стены, тяжело дышит. Глаза блестят, губы приоткрыты.

— Что? — шепчет она.

— Убирайся.

— Что?

— Убирайся из кабинета. Сейчас же.

— Но вы сказали раздеться...

— Забудь, что я сказал!

Она смотрит на меня с непониманием.

— Я не понимаю...

— Ничего не понимаешь! — взрываюсь я. — Ты ребёнок! Малолетняя девчонка, которая не знает, во что играет!

— Я не ребёнок!

— Для меня — ребёнок. И пока не забудешь детские фантазии, будешь сидеть в своей комнате.

Иду к столу, беру телефон.

— Максим? Приведи сюда Дениса. Сейчас же.

Арина смотрит на меня с ужасом.

— Зачем вы вызвали Дениса?

— Покажу тебе, с кем тебе стоит проводить время.

— Не смейте!

— Буду. Денис — хороший парень. Твоего возраста. Влюблён в тебя.

— Мне плевать на Дениса!

— Научишься не плевать. Выйдешь за него замуж через полгода.

— НЕТ!

— Да. И будешь ему благодарна.

Через двадцать минут приводят Дениса. Парень лет двадцати, симпатичный, с добрыми глазами. Нервничает, не понимает, зачем его привезли.

— Садись, — говорю я ему.

Денис садится, бросает взгляд на Арину. Она стоит у окна, отвернувшись.

— Ты любишь Арину? — спрашиваю я прямо.

Денис краснеет.

— Да.

— Хочешь на ней жениться?

— Хочу. Но...

— Никаких "но". Арина выйдет за тебя замуж. Через полгода. Я дам приданое и благословение.

Арина резко оборачивается.

— Я не выйду!

— Выйдешь, — спокойно говорю я. — Потому что это единственный способ защитить тебя от самой себя.

— От самой себя?

— От твоих детских фантазий. От мыслей о том, что между нами может что-то быть.

Подхожу к ней, говорю тихо, чтобы Денис не слышал:

— Между нами ничего нет и никогда не будет. Ты — малолетка. А я не трахаю детей.

Вижу, как она бледнеет. Как что-то ломается в её глазах.

— Понятно, — шепчет она.

— Вот и хорошо. Теперь иди знакомься со своим будущим мужем.

Она подходит к Денису, садится рядом. Мальчик светится от счастья.

А я стою и смотрю на них, чувствуя, как что-то умирает внутри меня.

Но так правильно. Так безопасно.

Для неё.

Потому что если я не отдам её другому, то однажды не удержусь. И тогда сломаю её полностью.

А она не заслуживает такой судьбы.

Никто не заслуживает меня.

Особенно она.

— Познакомьтесь поближе, — говорю я. — У вас есть полчаса.

Выхожу из кабинета, оставляя их наедине.

В коридоре упираюсь спиной в стену, закрываю глаза.

"Тебе восемнадцать лет. Мне тридцать восемь. Между нами пропасть."

Но эта пропасть не кажется такой уж непреодолимой, когда она смотрит на меня своими зелёными глазами.

"Я не трахаю детей."

Но она не ребёнок. Она женщина. Молодая, но женщина.

"Так правильно."

Хуйня. Ничего правильного в этом нет.

Правильно было бы запереть её в моей спальне и не выпускать, пока она не поймёт — она моя. Только моя.

Но я не могу.

Потому что тогда стану тем, кем никогда не хотел быть.

Чудовищем, которое ломает невинность.

И поэтому отдаю её другому.

Хорошему парню, который будет её любить.

А сам остаюсь один со своими тёмными желаниями.

Как и положено чудовищам.

Глава 7

Камран

Есть особый вид пытки, когда тебя заставляют смотреть на то, что ты хочешь, но не можешь получить. Когда искушение живёт в твоём доме, ест за твоим столом, дышит твоим воздухом — и ты ничего не можешь с этим поделать.

Три дня прошло с тех пор, как я привёл этого мальчишку Дениса. Три дня ада, когда я наблюдаю, как он ухаживает за Ариной. Дарит цветы. Читает стихи. Смотрит на неё глазами влюблённого щенка.

А она... она играет роль благодарной невесты. Улыбается ему. Разговаривает. Позволяет держать себя за руку.

И каждый раз, когда вижу его руку на её коже, меня выворачивает наизнанку. До мурашек вдоль позвоночника. До звериной ярости, которая требует крови.

Потому что эти руки должны быть моими.

Сажу в кабинете, пью виски и пытаюсь убедить себя, что поступил правильно. Что защитил её от меня. От своих тёмных желаний, которые разорвали бы её на части.

Хуйня. Полная хуйня.

Я поступил как трус. Как слабак, который не смог взять то, что хотел.

А хочу я её. Хочу так сильно, что кости ломит от напряжения. Так сильно, что по ночам не сплю, представляя, как она стонет под мальчишкой.

И от этих мыслей хочется убивать.

Стук в дверь прерывает мои размышления.

— Войдите.

Заходит Максим, лицо мрачное.

— Камран, тут проблема.

— Какая?

— Арина. Упала в душе. Сильно ударилась.

Сердце пропускает удар. Стакан виски падает из рук, разбивается о пол.

— Где она?

— В своей комнате. Зарема сказала, что ушиб серьёзный.

Не дослушивая, выбегаю из кабинета. Поднимаюсь на второй этаж, врываюсь в её комнату.

Арина сидит на кровати, держится за бедро. Лицо бледное, глаза полны слёз. Рядом суетится Зарема с аптечкой.

— Что случилось? — спрашиваю я, подходя к кровати.

— Поскользнулась в душе, — отвечает Зарема. — Упала на кафель. Ушиб сильный.

Смотрю на Арину. Она в одном халате, волосы мокрые, прилипли к голове. Выглядит такой маленькой, беззащитной.

— Больно? — спрашиваю я.

— Немного, — шепчет она, не глядя в глаза.

— Зарема, принеси лёд.

— Уже принесла. Вот.

Беру пакет со льдом, подхожу к Арине.

— Покажи, где болит.

Она показывает на бедро. Через тонкую ткань халата вижу уже наливающийся синяк.

— Лежи, — приказываю я.

— Зачем?

— Лежи, чёрт возьми!

Она ложится на бок, поджимает ноги. Халат задирается, открывая длинные стройные ноги. На левом бедре уже красуется багровое пятно размером с кулак.

Что-то сжимается в груди при виде этого синяка. Она пострадала. Моя девочка пострадала.

Не твоя. Невеста другого.

Заткнись, совесть. Заткнись к чертям собачьим.

— Это будет холодно, — предупреждаю я, прикладывая лёд к ушибу.

Она вздрагивает от прикосновения, но не отстраняется. Лёд в моих руках, её кожа под пальцами. Мягкая, шёлковистая, горячая.

Господи, помоги мне. Не дай сделать что-то непоправимое.

— Лучше? — спрашиваю я хрипло.

— Да, — шепчет она.

Держу лёд, стараюсь не смотреть на её тело. Но это невозможно. Халат распахнулся, обнажая грудь. Соски розовые, твёрдые от холода. Между ног видна полоска светлых волос.

Член встаёт мгновенно. Болезненно напряжённо.

— Камран... — шепчет она моё имя так, что у меня пересыхает в горле.

— Что?

— Спасибо.

За что она меня благодарит? За то, что лечу ушиб, который мог предотвратить? За то, что смотрю на неё как голодный зверь? За то, что выдаю её замуж за мальчишку?

— Не за что, — отвечаю я.

Убираю лёд, но рука остаётся на её бедре. Поглаживаю кожу вокруг синяка, чувствую, как дрожит под моими пальцами.

— Не должно оставить шрамов, — говорю я.

— А если оставит?

— Тогда я найду лучшего пластического хирурга. Сделаю так, чтобы на твоём теле не было изъязнов.

Слова срываются сами собой. Слишком личные. Слишком заботливые.

— Зачем вам это? — спрашивает она тихо. — Ведь я выхожу замуж за Дениса.

Вопрос бьёт в самое больное место. Да, блядь, выходит. За хорошего мальчика, который будет её любить. Который не сломает её, как сломал бы я.

— Потому что пока ты под моей крышей, я за тебя отвечаю, — отвечаю я.

— Только поэтому?

Смотрю в её зелёные глаза и вижу в них вопрос, на который не могу ответить честно.

Потому что ты сводишь меня с ума. Потому что хочу тебя больше жизни. Потому что готов убить любого, кто причинит тебе боль.

— Только поэтому, — лгу я.

Что-то гаснет в её взгляде. Она отворачивается.

— Понятно.

— Арина...

— Что?

— Ничего. Отдыхай.

Встаю, собираюсь уйти. У двери оборачиваюсь.

— Если боль усилится, позови.

— Позову Дениса.

Удар под дых. Она позовёт его. Своего жениха. А не меня.

— Как хочешь, — говорю я и выхожу.

В коридоре упираюсь спиной в стену, закрываю глаза. Руки до сих пор помнят тепло её кожи. Нос помнит запах её тела — чистый, женский, сводящий с ума.

А я... я как последний идиот упустил шанс. Мог прикоснуться к ней. Мог поцеловать. Мог сказать правду.

Вместо этого солгал. Снова.

Потому что правда страшнее лжи. Правда в том, что я схожу с ума от желания. Что готов на всё, лишь бы получить её.

Даже на то, чтобы отнять у неё жениха.

Иду в свой кабинет, достаю телефон.

— Максим? Отвези Дениса домой. Сегодня же.

— Но он же...

— Отвези, говорю!

— Слушаюсь.

Кладу трубку, наливаю ещё виски. Пью залпом, чувствую, как алкоголь жжёт горло.

Мальчишка уедет. Арина останется одна. И тогда...

Тогда что? Ворвусь к ней в комнату? Скажу, что не могу без неё жить? Изнасилую её, потому что не могу контролировать себя?

Нет. Не буду.

Но мальчишка всё равно уедет. Потому что не могу больше смотреть на них вместе. Потому что следующий раз, когда увижу его руки на ней, действительно убью.

А убивать из ревности — удел слабаков.

Хотя, может, я и есть слабак. Слабак, который влюбился в восемнадцатилетнюю девочку.

Час спустя слышу звук отъезжающей машины. Максим увёз Дениса. Хорошо.

Поднимаюсь наверх, стучу в дверь Арины.

— Войдите.

Вхожу. Она всё ещё лежит на кровати, но уже в ночной рубашке. Синяк на бедре стал ещё темнее.

— Как дела? — спрашиваю я.

— Лучше. А где Денис?

— Уехал домой.

— Почему?

— У него дела.

Ложь. У него никаких дел. Я просто не смог больше терпеть его присутствие.

— Когда вернётся?

— Не знаю.

Подхожу к кровати, сажусь на край.

— Как синяк?

— Болит. Но не сильно.

— Покажи.

Она приподнимает рубашку, обнажая бедро. Синяк стал багровым, отёчным. Выглядит болезненно.

— Нужен лёд, — говорю я.

— Принесу сама.

— Лежи.

Иду в ванную, набираю в полотенце лёд из морозилки мини-бара. Возвращаюсь, сажусь рядом с ней.

— Это будет холодно, — предупреждаю я, как и в прошлый раз.

Прикладываю импровизированный компресс к синяку. Она вздрагивает, но не отстраняется.

— Больно? — спрашиваю я.

— Нет. Хорошо.

Держу лёд, стараюсь думать о чём-то другом. О работе. О проблемах. О чём угодно, кроме того, что моя рука лежит на её обнажённом бедре.

Но это невозможно. Её кожа под моими пальцами, её дыхание, запах её волос — всё это сводит меня с ума.

— Камран?

— Что?

— Почему вы действительно отослали Дениса?

Вопрос, которого я ждал. И боялся.

— Сказал же. У него дела.

— Не верю.

— Тогда не верь.

— Скажите правду.

Смотрю в её глаза. Зелёные, искренние, доверчивые. И понимаю — не могу больше лгать.

— Потому что не выношу, когда он тебя трогает.

Слова вырываются сами собой. Честные, незащищённые.

— Почему?

— Потому что... — останавливаюсь, борюсь с собой. — Потому что хочу, чтобы тебя трогал только я.

Тишина. Она смотрит на меня, не мигая.

— Но вы же сказали, что я малолетка...

— Лгал.

— Сказали, что не трахаете детей...

— Лгал и в этом.

— Тогда почему...

— Потому что боюсь.

— Чего?

— Тебя. Того, что ты со мной делаешь.

Убираю лёд, но рука остаётся на её бедре. Поглаживаю кожу, чувствую, как она дрожит под моими пальцами.

— Ты заставляешь меня чувствовать то, что я никогда не чувствовал. Заставляешь хотеть то, чего не должен хотеть.

— А чего вы хотите?

— Тебя. Всю. Без остатка. Навсегда.

Наклоняюсь к ней, губы почти касаются её губ.

— Хочу, чтобы ты принадлежала только мне. Чтобы никто, кроме меня, не смел на тебя даже смотреть.

— Камран...

— Хочу слышать, как ты стонешь моё имя. Хочу видеть, как твоё тело выгибается подо мной.

Моя рука скользит выше, к её талии. Она не останавливает.

— Хочу сделать тебя своей так, чтобы ты никогда не смогла принадлежать другому.

— Тогда сделайте, — шепчет она.

Слова обжигают. Она дала разрешение. Сама попросила.

Наклоняюсь ниже, губы касаются её шеи. Она пахнет чистотой и молодостью. Пахнет искушением.

— Арина, — шепчу её имя, как молитву.

— Да?

— Ты не понимаешь, что говоришь.

— Понимаю.

— Нет. Если я начну, то не смогу остановиться.

— Не останавливайтесь.

Целую её шею, чувствую, как учащается её пульс. Моя рука скользит под рубашку, накрывает её грудь. Маленькая, упругая, идеально помещается в ладони.

— Боже, — стону я. — Ты такая...

— Какая?

— Совершенная.

Большим пальцем поглаживаю её сосок, чувствую, как он твердеет. Она выгибается, прижимается ко мне.

— Камран, пожалуйста...

— Что?

— Не останавливайтесь.

И тут меня осеняет. Осеняет, как ледяной душ.

Что я делаю? Лапаю восемнадцатилетнюю девочку, которая лежит с ушибом. Которая доверилась мне. Которая думает, что я хочу её любить, а не просто трахнуть.

Резко отстраняюсь, встаю с кровати.

— Нет, — говорю я.

— Что? — в её голосе паника.

— Не могу. Не должен.

— Почему?

— Потому что ты не знаешь, чего хочешь. Боль, лекарства, стресс — всё это влияет на твоё состояние.

— Я знаю, чего хочу! — она садится на кровати, глаза горят. — Хочу вас!

— Не хочешь. Думаешь, что хочешь.

— ХОЧУ! — кричит она. — И если это правда, если вы действительно меня хотите, то отмените эту чёртову свадьбу!

Вот оно. То, чего я боялся.

— Не отменю.

— ПОЧЕМУ?!

— Потому что Денис — хороший парень. Он будет тебя любить.

— Мне плевать на Дениса!

— А мне нет. Ты выйдешь за него замуж и будешь счастлива.

Она встаёт с кровати, подходит ко мне. В глазах ярость, отчаяние.

— Вы лицемер! — бросает она мне в лицо. — Только что говорили, что хотите меня, что не выносите, когда меня трогает другой, а теперь настаиваете на свадьбе!

— Потому что это правильно.

— Правильно?! — она смеётся истерично. — Правильно выдавать меня замуж за человека, которого я не хочу?

— Захочешь.

— НЕ ЗАХОЧУ! Никогда! Потому что хочу вас!

Слова бьют как пощёчина. Она хочет меня. Эта восемнадцатилетняя девочка хочет меня.

— Не хочешь, — хрипло говорю я. — Путаешь желание с благодарностью.

— Не путаю! — слёзы текут по её щекам. — Хочу! И вы хотите меня тоже!

— Хочу — да. Но этого недостаточно.

— Почему недостаточно?!

— Потому что желание проходит. А потом что? Что будет с тобой, когда я наиграюсь?

— ЛЖЁТЕ!

— Не лгу. Хочу — да. Очень сильно хочу. Но это не любовь. Это одержимость.

Удар ниже пояса. Вижу, как она бледнеет, как что-то ломается в её глазах.

— Значит, для вас я просто... объект желания?

— В принципе да. Красивая игрушка, которой хочется поиграть.

Ложь. Самая подлая ложь в моей жизни. Но нужная.

— Понятно, — шепчет она. — Всё понятно.

— Вот и хорошо. Тогда ты поймёшь, почему лучше выйти за Дениса.

— Лучше для кого? Для меня или для вас?

— Для тебя.

— А если я не хочу того, что для меня лучше?

— Захочешь. Со временем.

Она подходит ко мне вплотную, смотрит в глаза.

— А если не захочу? Если буду сопротивляться этой свадьбе?

— Не будешь.

— Буду! Сбегу в день свадьбы! Скажу всем правду!

— Какую правду?

— Что вы хотите меня! Что лапали меня! Что одержимы мной!

Не дав ей договорить, хватаю за плечи, трясусь.

— Заткнись!

— Не заткнусь! Расскажу всем, что великий Камран Байрамов влюблён в восемнадцатилетнюю...

Заткни её единственным способом, который приходит в голову. Целую. Жёстко, грубо, требовательно.

Она сопротивляется секунду, потом отвечает с той же страстью. Наши языки сплетаются, зубы стучат. Вкус слёз на её губах делает поцелуй солёным.

Отрываюсь от неё, тяжело дышу.

— Вот видишь? — говорю я хрипло. — Это всё, что между нами есть. Физическое влечение. Ничего больше.

— Лжёте, — шепчет она. — В этом поцелуе было больше, чем просто желание.

— Не было.

— Было! И если вы не отмените свадьбу, я...

— Что ты сделаешь?

— Расскажу Денису правду. О том, что вы ко мне чувствуете.

— Рассказывай. Мне плевать.

— Неправда. Вам не плевать. Потому что тогда он откажется на мне жениться.

Хитрая сучка. Точно в цель.

— И что? Найду другого жениха.

— А я ему тоже расскажу. И следующему. И всем остальным.

— Тогда останешься старой девой.

— И прекрасно! Лучше быть одной, чем замужем за тем, кого не хочу!

Смотрю на неё и понимаю — она не блефует. Действительно готова разрушить все мои планы.

— Ты не можешь всю жизнь ждать того, чего не получишь, — говорю я.

— Могу. Буду ждать, пока вы не признаете правду.

— Какую правду?

— Что я вам не безразлична.

— Небезразлична — да. Но этого мало для совместной жизни.

— А что много?

— Много — это когда готов ради человека на всё. Когда его благополучие важнее твоего.

— И вы не готовы ради меня на всё?

— Нет. Готов только трахать тебя. Больше ничего.

Ложь. Конечно, готов. Готов убить и умереть за неё.

— Тогда объясните мне одну вещь, — говорит она, подходя ближе.

— Какую?

— Если вам на меня плевать, если я для вас просто объект желания, то почему не взяли меня прямо сейчас? Я же не сопротивлялась.

Вопрос, на который нет ответа. Который раскрывает всю мою ложь.

— Потому что не хочу проблем.

— Каких проблем? Я совершеннолетняя. Согласная.

— Потому что... — останавливаюсь, не зная, что сказать.

— Потому что не настолько безразлична, — тихо заканчивает она. — И не хотите причинить боль.

— Заткнись.

— Не заткнусь. Буду говорить правду, пока вы её не признаете.

— Хватит!

— НЕ ХВАТИТ! — кричит она. — Устала от ваших игр! Либо отменяйте свадьбу, либо я сделаю это сама!

Смотрю на неё — разъярённую, прекрасную, непокорную. И понимаю — проиграл. Она не сдастся. Будет бороться до конца.

Но я тоже не сдамся.

— Свадьба состоится, — говорю я железным тоном. — Нравится тебе это или нет.

— Посмотрим, — бросает она.

— Посмотрим.

Иду к двери, останавливаюсь на пороге.

— И если попытаешься сбежать снова, я найду тебя. И привезу обратно в наручниках.

— Попробуйте.

— Обязательно попробую.

Выхожу из комнаты, захлопываю дверь.

В коридоре упираюсь спиной в стену, тяжело дышу. Руки дрожат от напряжения. Член болезненно напряжён.

Она объявила мне войну. Маленькая сучка решила бороться за то, что считает своим.

И, блядь, я восхищаюсь её упорством. Восхищаюсь тем, как она меня разоблачила. Тем, как увидела сквозь всю мою ложь.

Она права. Я хочу её. Хочу так сильно, что схожу с ума. Хочу так, что готов на всё ради неё. Даже на то, чтобы отдать другому.

Но признать это — значит потерять остатки контроля. Значит сдаться. А я не могу себе этого позволить.

Потому что если сдамся, то заберу её. Сделаю своей. И тогда погублю.

А она не заслуживает такой судьбы.

Иду в свой кабинет, достаю телефон.

— Максим? Верни Дениса. Завтра же.

— Камран, ты уверен? Только что приказал отвезти...

— Уверен. И удвой охрану. Арина может попытаться сбежать.

— Понял.

— И ещё. Если она попробует с кем-то связаться, доложи мне.

— Слушаюсь.

Кладу трубку, наливаю виски. Пью залпом, но алкоголь не притупляет боль.

Завтра мальчишка вернётся. Арина будет сопротивляться. Может, даже попытается сбежать снова.

Но я не отступлю. Выдам её замуж за Дениса, даже если придётся тащить к алтарю силой.

Потому что это единственный способ спасти её от меня.
От моей одержимости, которая сожрёт её живьём.

Глава 8

Арина

Есть моменты, когда жизнь бьёт тебя так сильно, что ты начинаешь сомневаться в собственном восприятии реальности. Когда правда оказывается настолько уродливой, что хочется закрыть глаза и притвориться, что ничего не видела.

Но притворяться — удел слабых. А я не слабая.

После вчерашней сцены с Камраном я не сплю всю ночь. Лежу в кровати, смотрю в потолок и прокручиваю в голове каждое его слово, каждый взгляд, каждое прикосновение.

"Красивая игрушка, которой хочется поиграть."

Слова жгут сильнее раскалённого железа. Неужели я для него действительно только это? Объект для удовлетворения похоти?

Но тогда почему его руки дрожали, когда он меня касался? Почему голос срывался, когда он говорил о желании? Почему он остановился, когда мог взять всё?

Мужчины не останавливаются из благородства. Не такие мужчины, как Камран Байрамов. Они останавливаются только тогда, когда чувствуют что-то большее, чем просто похоть.

И я это докажу. Только зачем это мне? Ведь я его ненавижу?....Только слово ненависть уже означает для меня гораздо большее. Я думаю о нём, я представляю себе его страстные карие глаза, его фигуру, осанку, его тело, его сумасводящие руки. Они касались меня, они дотронулись до моей груди, до моего соска и мне казалось я испытаю оргазм только от этого касания. Я никого так не хотела. Никогда и никого не любила...И сейчас мне ажется я влюбилась в Камрана. Боже, пусть мне это только кажется!

Утром, когда весь дом ещё спит, я спускаюсь на первый этаж. Мне нужно больше узнать о нём. О его прошлом. О том, что сделало его таким — холодным, жестоким, но одновременно способным на нежность.

Потому что в его глазах я видела не только желание. Видела боль. Старую, глубокую боль, которая превратила его в того, кем он стал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.